

**Е Ж Е Г О Д Н И К
МЕЖДУНАРОДНОЙ
АССОЦИАЦИИ
ФИНАНСОВОГО ПРАВА**

2005 год

Сборник научных работ

Под общей редакцией
доктора юридических наук, профессора
С. В. Запольского

Москва 2006

ББК 67.402

Е 36

Выражаем благодарность адвокатскому бюро "Запольский и партнеры" за оказанную помощь в издании ежегодника МАФП 2005.

Ежегодник МАФП. 2005 год. Сб. науч. работ / Под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. С. В. Запольского. – М., 2006. – 320 с.

В книге собраны статьи ведущих правоведов, специалистов по актуальным проблемам современного права.

Книга представляет интерес для ученых, специалистов, преподавателей.

ISBN 5-98079-240-6

© Международная ассоциация
финансового права, 2006

Редактор Н. Н. Косаренко
Компьютерная верстка А. В. Докучаев

Подписано в печать 20.07.2006. Формат 60x84/16.
Печ. л. 20 Тираж 500 экз. Изд № 33к. Заказ № 295

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Московского гуманитарного университета,
111395, г. Москва, ул. Юности, 5/1.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

<i>Запольский С.В., ответственный редактор Ежегодника МАФП -2005 г, президент Международной ассоциации финансового права, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой финансового права Российской академии правосудия</i>	8
--	---

◀ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИНАНСОВОГО ПРАВА ▶

Пацуркивский П.С., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного, административного и финансового права, декан юридического факультета Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича (Украина), руководитель регионального отделения МАФП в г. Черновцы.

Системообразующий критериальный ряд в финансовом праве: необходимость смены парадигмальных подходов	10
--	----

Пацуркивский П.С., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного, административного и финансового права, декан юридического факультета Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича (Украина), руководитель регионального отделения МАФП в г. Черновцы; Гаврилюк Р.А., кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры; Хоцуляк В.В., кандидат юридических наук, доцент (кафедра конституционного, административного и финансового права Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича).

Постсоветская наука финансового права: некоторые итоги и перспективы развития	21
--	----

*Соколова Э.Д., доцент, кандидат юридических наук, доцент
Академии управления МВД России.*

**Финансовая система России: дискуссионные проблемы
в юриспруденции** 37

*Рукавишников И.В., доктор юридических наук, профессор, зав.
кафедрой финансового и административного права РГЭУ "РИНХ",
руководитель ростовского отделения МАФП.*

**Пределы осуществления властных полномочий участниками
финансовых правоотношений** 52

*Фадеев Д.Е., кандидат юридических наук, член Международной
ассоциации финансового права, зам. председателя Совета по нало-
говому законодательству ТПП РФ.*

**Ожидания и итоги налоговой реформы: взгляд бизнеса
и оценка ситуации** 61

*Мамедов А.А., доктор юридических наук, МГУ им. М. В.
Ломоносова.*

**Финансово-правовое регулирование страхования в усло-
виях глобализации** 80

◀ БАНКОВСКОЕ ПРАВО ▶

*Орлюк Е.П., доктор юридических наук, доцент, директор НИИ
интеллектуальной собственности Академии правовых наук Украины.*

**Кредитная система Украины: основы правового регу-
лирования** 94

Глушко А.В., соискатель МГЮА.

**Законы о центральных банках в зарубежных странах как основа
их правового статуса** 105

◀ БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО ▶

*Яговкина В.А., кандидат юридических наук, старший препода-
ватель кафедры финансового и административного права ВГНА
МФ РФ, старший консультант Института реформирования общест-
венных финансов.*

**Правовые предпосылки реформирования межбюджетных
отношений в Российской Федерации** 116

Винницкий Д.В., доктор юридических наук, профессор Уральской государственной юридической академии, руководитель финансово-правовой специализации, председатель Уральского отделения Международной ассоциации финансового права.

Правовой режим фонда муниципального развития субъекта Российской Федерации	120
Бубнова О.Ю. Объекты бюджетного контроля	131

◀ ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО ▶

Бакаева О.Ю., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой публичного права Саратовского государственного социального университета; Татаринев А.Е., аспирант Саратовского государственного социального университета.

К вопросу о классификации таможенных режимов	143
<i>Древалъ Л. Н., кандидат юридических наук, доцент, Дальневосточный юридический институт МВД РФ.</i>	
О финансово-правовом статусе таможенных органов	153
<i>Матвиенко Г. В., доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Российской академии правосудия.</i>	
О некоторых проблемах таможенного обложения товаров, перемещаемых физическими лицами для личных нужд	163

◀ НАЛОГОВОЕ ПРАВО ▶

Уткин В. В., кандидат юридических наук, Тверской государственный университет, руководитель тверского регионального отделения МАФП.

К вопросу о понятии процесса проведения налоговых проверок и его основных элементов	172
<i>Кучерявенко Н.П., доктор юридических наук, профессор (Национальная юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого, г. Харьков).</i>	

К вопросу о динамике налоговой обязанности 179

*Пацуркивский П.С.,
доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой;
Гаврилюк Р.А.,
кандидат юридических наук,
доцент, докторант кафедры;
Хогуляк В.В.,
кандидат юридических наук, доцент
(кафедра конституционного,
административного и финансового права
Черновицкого национального университета
имени Юрия Федьковича)*

ПОСТСОВЕТСКАЯ НАУКА ФИНАНСОВОГО ПРАВА: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Одним из ярчайших феноменов постсоветской юриспруденции в Российской Федерации и Украине в целом стало необычайно динамичное, взрывообразное развитие науки финансового права. На это явление уже неоднократно обращали внимание ведущие юристы-финансисты наших стран, однако дальнейшие констатации данного факта дело пока что не пошло. Настоящий феномен еще не подвергался ни специальному внутреннему анализу, то есть исследованию его собственно представителями науки финансового права, ни познанию его извне, прежде всего представителями общей теории права и государства. Это вместе с другими факторами содействует тому, что в последний период наряду с продолжающимся процессом нелинейного накопления знаний о финансово-правовой действительности все сильнее дают о себе знать как в теории финансового права, так и на практике некоторые отрицательные явления. Прежде всего к ним следует отнести устаревшие парадигмальные подходы, методологически однобокие и ошибочные взгляды, "погрешности" категориально-понятийного аппарата как важнейшего научного инструмента познания действительности, сложившиеся в тоталитарную эпоху и бесосновательно перенесенные методом диалектического снятия из советской науки финансового права в совершенно иную общественно-историческую действительность – в

современный период её развития. Кроме того, весьма дискуссионными оказались и некоторые попытки современных теоретиков финансового права по-новому представить субстанциональные качества, систему и системообразующие факторы в финансовом праве, прежде всего его предмет. Короче говоря, стала совершенно очевидной потребность в тщательном науковедческом анализе постсоветской науки финансового права.

Учитывая, что это по существу первая попытка науковедческого анализа науки финансового права в постсоветский период её развития, с одной стороны, а также чрезвычайную сложность и многогранность данной проблемы, с другой стороны, авторы не претендуют на раскрытие проблемы в целом, а ставят перед собой цель высказать некоторые собственные суждения, обобщения, оценки и выводы по следующим аспектам затронутой проблемы: 1) некоторые итоги развития науки финансового права; 2) необходимость и характер глубоких качественных изменений в методологическом инструментарии науки финансового права; 3) новая, соответствующая постсоветской парадигме финансового права исходная, системообразующая категория науки финансового права.

Некоторые итоги развития науки финансового права. Постсоветская наука финансового права возвышается на плечах советской науки финансового права. Вне признания этого факта и адекватного понимания сущности советской науки финансового права, её основных достижений нельзя истинно познать и представить современную науку финансового права постсоциалистических стран. Тем более, что при значительном количестве действительно слабых сторон советской науки финансового права у нее имеются бесспорные достижения в сравнении с дореволюционной наукой финансового права, несмотря на наше непреходящее восхищение последней и уже набившую оскомину непрекращающуюся критику советской науки финансового права. В частности, прежде всего именно усилиями советских ученых юристов-финансистов наука финансового права окончательно и бесповоротно отпочковалась, выделилась из финансовой науки, четко размежевалась с науками конституционного, административного и некоторых других отраслей права.

К концу 30-х – началу 40-х годов XX века Е.А.Ровинским было завершена¹ начатая еще в дореволюционный период корифеями науки финансового права Э.Н.Берендтсом, В.А.Лебедевым, С.И.Иловайским, И.Х.Озеровым, И.Ю.Патлаевским, И.Т.Тарасовым, И.И.Янжулом, В.Г.Яроцким, Л.Н.Яснопольским и продолженная в 20-е годы того же столетия А.А.Алексеевым, М.И.Боголеповым, Г.И.Болдыревым, А.И.Буковским, А.Буковецким, П.П.Гензелем, М.Д.Загряцковым, С.А.Котляревским, С.Д.Крыловым, И.М.Кулишером, Э.Э.Понтови-

¹ См.: Ровинский Е.А. Предмет советского финансового права // Советское государство и право. – 1940. №3. С.32-48.

чем, В.Н.Твердохлебовым и рядом других разработана догма финансового права, являющаяся специфическим воплощением и продолжением лучших традиций аналитической юриспруденции; обосновано предмет отрасли финансового права. Это подняло науку финансового права до принципиального уровня других развитых юридических наук в СССР, в решающей степени способствовало оформлению финансового права в отдельную, самостоятельную отрасль права. Этот факт – разработку советской юридической наукой в крайне неблагоприятных условиях того времени "реального, объективированного предмета юридических знаний" "юридических реалий, охватываемых понятием "догма права", С.С.Алексеев оценил впоследствии как "обстоятельство в высшей степени важное"².

В послевоенный период применение в науке финансового права фундаментальных философских категорий, прежде всего новых для данной отрасли знаний философских приемов и методов исследования, получивших в то время серьезную разработку, особенно системного, структурного и функционального анализа привело к неожиданным положительным результатам – оказалось, что финансовое право даже в условиях, когда финансово-правовая материя ограничивалась лишь только догмой права, обладает общими закономерностями и специфическими свойствами, особыми иерархическими и горизонтальными связями и соотношениями. Последнее наиболее очевидно проявилось при рассмотрении таких отдельных фрагментов догмы финансового права, как финансово-правовая норма, финансово-правовое отношение, юридический факт в финансовом праве и ряде других. Это позволило Р.О.Халфиной в 1952 г., в частности, сгруппировать все финансово-правовые нормы на основе их внутренних качеств в Общую и Особенную части финансового права, а впоследствии и в специфические финансово-правовые институты³.

Благодаря усилиям не одного поколения теоретиков и практиков финансового права – Э.Э.Понтовича, С.Д.Крылова, И.М.Кулишера, В.Н.Твердохлебова, Е.А.Ровинского, М.А.Гурвича, Р.О.Халфиной, М.И.Пискотина, С.Д.Цыпкина, В.В.Бесчеревных, Н.И.Химичевой, Л.К.Вороновой, О.Н.Горбуновой, С.В.Запольского, В.И.Лисовского, Л.С.Малокотина, Н.А.Куфаковой, Д.А.Бекерской, Л.В.Бричко, Б.Н.Иванова, Т.С.Ермаковой, М.Л.Когана и многих других в 40-е-80-е годы XX века были основательно исследованы институты советского финансового права, выработан и опробирован свой собственный, адекватный решаемым наукой советского финансового права задачам категориально-понятийный аппарат. Основополагающей категорией советской теории финансового

² См.: Алексеев С.С. Восхождение в право. Поиски и решения. – М.: НОРМА, 2001. С.44.

³ Див.: Халфина Р.О. К вопросу о предмете и системе советского финансового права / Вопросы советского административного и финансового права. – М., 1952. С.182-214.

права закономерно стала категория "финансовая деятельность государства", которую впервые ввел в научный и практический оборот в 1952 г. М.А.Гурвич⁴ и впоследствии всесторонне обосновал и развил Е.А.Ровинский⁵. По справедливой оценке К.С.Бельского, впоследствии поддержанной рядом других ученых, в этой категории "в концентрированном виде нашла свое отражение финансовая система окрепшего тоталитарного государства, в котором все экономические ценности были национализированы и источником удовлетворения потребностей всех граждан являлся "совокупный общественный продукт", иначе говоря, общий котел... Авторы, определявшие эту категорию, подчеркивали её этатистский характер"⁶.

Вместе с тем подлинной наукой, в общепринятом, классическом понимании этого слова советская наука финансового права, по нашему мнению, не стала – ей не позволили этого сделать власть предрешающие, таковым был императив тогдашней финансово-правовой практики. В числе неисчислимого множества подтверждений последнего безусловно заглавное место принадлежит широко известному как в те времена (чтобы вновь не повадно было!), так и теперь факту буквального "изгнания" науки финансового права (к тому времени еще не ставшей "советской") и соответственной учебной дисциплины на целое десятилетие – с 1929 по 1939 годы – с юридических заведений страны, закрытие практически всех научных изданий по финансовому праву. Ни одна другая из юридических наук подобной участи не разделила. "Реабилитированной" с 1939 г. науке финансового права в форме "советской науки финансового права" тогдашней административно-командной системой была отведена совершенно не научная роль – миссия откровенного апологета этатистского государства и на протяжении всего последующего советского периода её развития любые открытые или скрытые попытки отдельных ученых вырваться за пределы этой миссии жестко и неукоснительно пресекались.

Онтологическим, гносеологическим и аксиологическим обоснованиями такого положения вещей в советской науке финансового права на протяжении целого полувека – 40-х-80-х годов прошлого столетия стала правовая парадигма, утвердившаяся в отечественном правоведении после печально известного Всесоюзного совещания по вопросам науки советского права и государства, состоявшегося 16 июля 1938 г. Она базировалась на смешении марксистско-ленинских постулатов с позитивистским учением в его крайне этатистском вари-

⁴ См.: Гурвич М.А. Советское финансовое право: Учебник для вузов. – М., 1952. С.19.

⁵ См.: Ровинский Е.А. Основные вопросы теории советского финансового права. – М., 1960. С.9-58.

⁶ Бельский К.С. Финансовое право: наука, история, библиография. – М.: Юристъ, 1995. С.28.

инте. Так появилось и утвердилось, по образному замечанию В.С.Нерсисянца, "приказное правопонимание"⁷, ставшее господствующим и в финансовом праве. Идейной основой его была партийность в методологии. "Материализм, писал в свое время один из идеологов и апологетов такого подхода в общественных науках В.И.Ленин, – включает в себя, так сказать, партийность, объявляя при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы"⁸. Как продемонстрировал огромный опыт развития советского и не только советского обществоведения, принцип партийности очень часто вступал в антагонистическое противоречие с действительно научными принципами правоведа – объективности и историзма, вынуждал ученого искажать действительную картину явлений, делать тенденциозные, а нередко заведомо ложные оценки, обобщения и выводы. "Под влиянием партийности, – писал эмигрировавший во Францию известный российский философ Н.О.Лосский, – отмирает самостоятельное наблюдение и исследование, развивается только интерес к защите окостенелых догм во что бы то ни стало. Сами средства этой защиты становятся все более наивными: это или ссылка на авторитеты, или брань, доносы, угрозы"⁹. Именно партийность в методологии, в частности, позволила в 20-х годах прошлого века шельмовать в периодической печати видных специалистов науки финансового права С.А.Котляревского, И.Х.Озерова, Э.Э.Понтовича, вследствие чего они оказались за отставание своих взглядов, отличавшихся от официально принятых, в ГУЛАГе, где и погибли. Предопределенный советским общественным строем и господствовавшей в нем марксистско-ленинской идеологией "путь в сфере юридических знаний, – как очень емко резюмировал один из ведущих теоретиков права современности С.С.Алексеев, – показал свою тупиковость, бесплодность, а по ряду моментов дал отрицательный результат, отбросив юридическую науку назад по сравнению не только с мировым уровнем, но и с уровнем, достигнутым этой специальной отраслью знаний в дореволюционной России"¹⁰.

Постсоветская наука финансового права, особенно первоначально, не могла сразу же после развала СССР и образования независимых постсоветских государств на его пространстве стать такой же независимой от советского финансово-правового теоретического наследия, от инерции финансово-правового мышления. Желаящим обучаться финансовому праву и науке финансового права нужны были учителя, которыми, в силу множества объективных обстоятельств

⁷ См.: Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник. – М., 1999. С.179.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.1. С.419.

⁹ Лосский Н.О. Диалектический материализм в СССР. – Париж, 1934. С.65.

¹⁰ Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999. С.171.

(не в последнюю очередь и языковых факторов) стали бывшие советские юристы-финансисты, под полным идейным влиянием которых и находилась на первых порах новая поросль теоретиков финансового права. Отсюда совершенно очевидно, что и первые постсоветские работы финансово-правового направления, за единичными исключениями, могли быть только отражением бывшей советской теории финансового права. Необходимо было определенное время, чтобы в постсоветских странах, во-первых, выросли новые ученые, осмелившиеся обосновывать и высказывать собственные взгляды, отражающие новую финансово-правовую реальность и новые методологические подходы к её познанию, во-вторых, чтобы сложилась критическая масса этих новых ученых и их новых идей, способная генерировать новые научные гипотезы и теории в финансовом праве, наконец, чтобы сформировались и отчетливо оформились, выразились новые взгляды общества на роль науки финансового права и призвание собственно финансового права в нем.

Первые две задачи, по нашему мнению, успешно решены во многом благодаря усилиям прежде всего действующих классиков науки финансового права Л.К.Вороновой, Н.И.Химичевой, О.Н.Горбуновой, С.В.Запольского. В течении первого периода развития постсоветской науки финансового права с ними объединились для решения этих задач в РФ Е.М.Ашмарина, О.Ю.Бакаева, Д.В.Винницкий, Е.Ю.Грачева, М.В.Карасева, А.Н.Козырин, Ю.А.Крохина, И.И.Кучеров, С.Г.Пепеляев, Г.В.Петрова, И.В.Рукавишникова, А.Д.Селюков, Г.П.Толстопятенко, А.И.Худяков и многие другие ученые юристы-финансисты; в Украине – Д.А.Бекерская, Н.П.Кучерявенко, А.А.Нечай, Е.П.Орлюк, Н.Ю.Пришва, Л.А.Савченко. Их совместными усилиями в Российской Федерации и Украине выпестовано новое поколение ученых юристов-финансистов, созданы существенно отличающиеся между собой пониманием финансового права, используемым методологическим инструментарием, складывающимися традициями динамично развивающиеся научные школы и центры. В РФ это прежде всего полицентристская Москва, Саратов, Воронеж, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, в Украине – Киев, Харьков, Ирпень, Черновцы, а в ближайшее время этот перечень расширится еще больше, что сегодня уже совершенно очевидно. Если, по образному выражению патриарха советского финансового права Е.А.Ровинского, неоднократно повторявшемуся Л.К.Вороновой, вся наука советского финансового права (имелись в виду настоящие её теоретики), умещалась на одном диване Ефима Абрамовича, то теперь число докторов наук по финансовому праву в РФ и Украине приближается уже к сорока человекам и продолжает динамично увеличиваться, а на каждого доктора наук приходится около десяти кандидатов наук. Это совершенно новое человеческое измерение и состояние науки финансового права, соответствующее новым вызовам постсоветского времени, постсоциалистической финансо-

но-правовой практики.

Таким образом, первый период развития постсоветской науки финансово-го права – период переосмысления теоретических взглядов и установок советского периода, попыток модернизировать их и применить на практике к новой финансово-правовой действительности, механического перенесения некоторых отечественных дореволюционных и современных западных концепций, правоопределений и юридических конструкций на сегодняшнюю российскую и украинскую почву, преимущественно количественного, горизонтального развития науки финансового права – завершился окончательно и бесповоротно. Его основная задача – вырастить новые кадры науки финансового права, создать действенные центры её саморазвития – выполнена полностью.

Начинается второй период развития постсоветской науки финансового права, наиболее значимым для которого является тот неоспоримый факт, что по сравнению с советской наукой финансового права она оказалась в совершенно иных, нормальных общественно-политических условиях своего прогресса. С одной стороны, канула в лету строгая опека науки финансового права со стороны власти, государства – последним она в настоящее время просто брошена на произвол. Это, конечно, не режим наибольшего благоприятствования, но в сравнении с предыдущим её положением – предел мечтаний. Над учеными юристами-финансистами больше не довлеет, как было в советский период, "приказное" правопонимание, не требуется идеологическая взвешенность и партийная чистота. Во-вторых, впервые за многие десятилетия стал реальностью нормальный спрос на настоящие научные разработки ученых юристов-финансистов, появилась возможность быстро и совершенно без цензуры публиковать результаты научных изысков, а необычайно динамично развивающаяся новая финансово-правовая действительность буквально потребовала от науки финансового права её подлинных, а не апологетических анализа, обобщений, оценок, прогнозов и выводов, концепций и теорий – то есть подлинно научных результатов. Эти две причины, вместе взятые, по нашему мнению, и предопределили имеющее место в настоящее время приращение знаний об меняющейся финансово-правовой действительности, образно говоря, в геометрической прогрессии. Наука финансового права в настоящее время начала превращаться в подлинную науку. Но на этом пути перед ней возникло необычайное множество небывалых раньше совершенно новых проблем: методологических, онтологических, гносеологических, аксиологических, ментальных и других.

Необходимость и характер глубоких качественных изменений в методологическом инструментарии науки финансового права. К ситуации, сложившейся в настоящее время в науке финансового права, по нашему мнению, вполне применима оценка методологической ситуации в правоведении в целом, высказанная несколько лет назад А.И.Демидовым: "Догматизированная

теория просто не может эффективно взаимодействовать с практикой, не в состоянии освоить новые правовые реалии..."¹¹. То есть, неизбежным условием дальнейшего развития науки финансового права в современных условиях прежде всего стала её методологическая демонополизация. В современных условиях более плодотворной нам представляется установка на политеоретический подход к познанию и объяснению необычайно быстро меняющейся финансово-правовой действительности в наших странах, который несравненно продуктивнее и информативнее любого монотеоретического подхода.

Важнейшим критерием подлинной научности изысков ученых становится принцип открытости, то есть признание неизбежной бесконечности всевозможных научных интерпретаций единственно естественным, нормальным её состоянием, когда ни один вывод, по определению, не конечен и не может приниматься за истину в последней инстанции, как было в науке финансового права вчера и мыслится некоторыми учеными юристами-финансистами, судя по их реакции на отдельные действительно новые научные обобщения, оценки и выводы, и в настоящее время. Нам не избежать в ближайшем будущем глубоких качественных изменений в науке финансового права прежде всего на парадигмальном уровне, ибо именно такого уровня изменения уже произошли в доктрине общественного развития постсоциалистических РФ и Украины в целом. Вызванное к жизни изменившейся коренным образом финансово-правовой действительностью и новыми требованиями общества к теории финансового права новаторство в науке финансового права не является по своей природе неуважительным отношением современных исследователей финансового права к своим предшественникам, особенно к корифеям науки финансового права, заслуженно ставшими её классиками. Наоборот, именно прятание за их спины, искусственное притягивание, как говорится, за уши положений, оценок и выводов из их работ, сделанных в совершенно иных общественных условиях по поводу совершенно иных фактов тогдашней финансово-правовой действительности, в качестве основных аргументов по поводу новой, современной финансово-правовой реальности является непониманием наших классиков, неуважением их. У классиков науки финансового права, по нашему мнению, мы должны прежде всего учиться их умению замечать и выделять в необъятном потоке финансово-правовой эмпирии действительно сущностное, субстанциональное, актуальное, важное, их искусству применять к познанию избранного предмета исследования адекватные научные инструменты, их научной смелости называть новые явления своими именами, делать оценки и выводы, которые наверняка многим их современникам, теоретикам и практикам также не нравились, но которые на момент их умозаключений были наиболее истинными. Только на

¹¹ Демидов А.И. О методологической ситуации в правведении // Правоведение. – 2001. № 4. С.18.

этом пути может быть и будет создана совместными усилиями всех ученых юристов-финансистов новая, постсоветская многоаспектная и в тоже время интегративная теория финансового права.

Именно опираясь на достижения корифеев прошлого науки финансового права, отталкиваясь от взятых ими рубежей, творчески приращивая их знания о финансово-правовой действительности, часть современных ученых юристов-финансистов к началу XXI века вплотную подошла к осознанию того, по нашему мнению, неоспоримого факта, что финансовое право само по себе есть некоторое в высшей степени сложное и многостороннее явление, одновременно обладающее субстанциональной целостностью, неделимостью и вместе с тем наделенное целым рядом отдельных сторон и форм собственного "бытия", каждая из которых представляет по своей сути нечто весьма своеобразное, заслуживающее особого, специального рассмотрения и определения и в силу этого предопределяет множественность методов, необходимых для адекватного познания финансово-правовых явлений. Подавляющее большинство исследований финансового права в прошлом и настоящем времени посвящено его предметно-субъектному измерению. В то же время финансовое право крайне остро нуждается, особенно в период перехода его в новое качество, в онтологическом, гносеологическом, аксиологическом, ментальном, в интегральном субстанциональном и других измерениях. Исследование же финансового права как явления в целом, его отдельных институтов как особенных финансово-правовых явлений и норм финансового права как его предельно конкретного и емкого субстанционального выражения с неизбежностью требуют сегодня применения феноменологического подхода. Общее состояние финансово-правовой науки настоящего времени можно охарактеризовать как безвозвратную утрату веры в спасительный методологический монизм, господствовавший еще буквально вчера, и переход к принципиальному признанию необходимости методологического плюрализма.

К аналогичному выводу юриспруденция в целом, другие юридические науки пришли еще раньше. Кроме того, ситуация, имеющая место в настоящее время в науке финансового права, во многом напоминает подобные ситуации, которые уже пережили раньше другие юридические науки. В этой связи нам представляется весьма целесообразным и уместным обратиться к их опыту, в частности, воспользоваться некоторыми методологическими наблюдениями истинного корифея еще дореволюционной российской философии права И.А.Ильина. Сравнивая различные подходы к праву, он пришел к выводу, что "историческое рассмотрение и социологическое рассмотрение правовых явлений родственны друг другу, иногда сливаются и переливаются друг в друга", но "догматическая разработка норм права, имеющая целью построить систему юридических понятий,

и социологическое объяснение правовых явлений движутся в двух совершенно различных плоскостях, в известном отношении могут стать в положение взаимно индифферентных рядов, а в определенных вопросах обнаружить даже прямую противоположность"¹².

Исходя из принципа "методологической индифферентности", он условно допускает познавательный прием "логического отвлечения от одних сторон права при рассмотрении других сторон его", или, иначе говоря, "познавая право в логическом ряду, — пишет он, — мы отвлекаемся от тех сторон его, которые характеризуют его как реальное явление". Целесообразность такого приема очевидна, но при этом не следует упускать из виду, по нашему мнению, следующих двух моментов: познавать в логическом ряду следует те стороны финансового права, которые по своей природе расположены в логическом, а не в реальном ряду или, в крайнем случае, не деформируются существенно при их "помещении" в логический ряд, во-вторых, наряду с сознательным избранием приема "логического отвлечения" может иметь место подсознательное слияние рядов познания финансово-правовой действительности. И в том, и в другом случае, говоря словами И.А.Ильина, "возникает опасность методологических смешений, могущих иногда прямо обесценить все исследование"¹³.

Известный украинский философ права Б.А.Кистяковский, исследуя методологию познания правовых явлений, предложенную И.А.Ильиным, подчеркивал, что выделение различных сторон в объективной реальности, обособление различных рядов в ней представляют собой верные принципы научного исследования. Эти методы обнаружили свою плодотворность в естествознании и вполне способны привести к таким же результатам в правоведении, утверждал он, если их умело применять. Главная задача выделения рядов в правоведении та же, что и в естествознании — это "установление известной связи между явлениями для объяснения их"¹⁴. Однако подобного рода операции в гуманитарных науках сталкиваются с гораздо большими сложностями, чем в науках естественных, поскольку, кроме однородной причинной зависимости, здесь приходится устанавливать ряды однородной телеологической зависимости и "ряды, по словам Б.А.Кистяковского, — имеющие в виду систему ценностей, лежащую в основе культурных благ", а поэтому он обращает особое внимание на недопустимость сведения классификаций и разграничений в гуманитарных науках к одному какому-либо классификационному основанию в связи с принципиальной разнородностью таких возможных оснований. А учеными

¹² Ильин И.А. Понятие права и силы (Опыт методологического анализа) // Собр. соч.: В 10-и т. Т.4. — М., 1994. С.11.

¹³ Там же. С.9.

¹⁴ Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. — СПб., 1999. С.186.

юристами-финансистами подобная абсолютизация какого-либо одного классификационного основания в настоящее время допускается сплошь и рядом и при этом ими нередко делаются выводы не только по отдельным сторонам финансово-правовой действительности, но и по субстанциональным аспектам финансового права в целом. В случае же неверного выделения методологических рядов, а "тем более если они после своего выделения превращаются в какие-то чисто логические категории, то ошибочные построения, напоминающие схоластические конструкции, неизбежны"¹⁵, — справедливо предостерегал Г.А.Кистяковский.

Ярким примером последнего в современной науке финансового права может быть вырываемый с помощью формально-догматического метода из совокупности других системообразующих критериев финансового права и затем фактически абсолютизируемый в качестве самостоятельного для выделения финансово-правовых институтов так называемый критерий "предмета правового регулирования", к которому в большинстве случаев уже давно перестали предъявлять требование быть качественно определенным, выразительно отличным по этому свойству от всех других видовых групп однородных правоотношений. Вследствие этого число "институтов" финансового права стало необычайно большим и продолжает стремиться к бесконечности, а "систем" финансового права почти столько же, сколько пишущих об этом ученых юристов-финансистов. Одно лишь беда — и для науки финансового права, и для финансово-правовой практики от этого проку мало, если о нем в данном случае вообще имеются основания говорить.

Бесспорно, формализм есть естественное свойство права. Именно формальный подход генетически выделил право из синкретического единства социальных регуляторов древности. Формальная сторона права для практического правоведения имеет чрезвычайно большое значение. Тем не менее при всем уважении к форме она, согласно законам философии, всегда является следствием соответственного, а не любого содержания, то есть, явлением производным, хотя и, безусловно, активным. Следовательно, важнейшей задачей науки финансового права, как и любой иной юридической науки, всегда было и остается сегодня выяснение субстанциональных, содержательных характеристик своей отрасли права.

Для ученых юристов-финансистов весьма полезно вспомнить, например, что еще Д.И.Мейер, отмечая, что взгляд на юриспруденцию как на науку о положительных законах является господствующим, утверждал: наука гражданского права не может ограничиться изучением положительных гражданских законов, так как "положительные законы, будучи созданием человека, носят в

¹⁵ Там же. С.185.

себе след всякого человеческого дела – след несовершенства"¹⁶, а ограничившись изучением положительных гражданских законов, наука не даст ответа на следующие животрепещущие вопросы – таковы ли законы, какими они должны быть, и почему они именно таковы? Иначе говоря, при смене вех, или, как высказывался один из величайших современных знатоков научных революций и научных эволюций Т.Кун, при смене научных парадигм – а наука финансового права переживает именно такой период – каждая наука прежде всего обязана заново сформулировать и разрешить свой извечный основной вопрос¹⁷. В нашем случае, как нам представляется, это вопрос о том, что такое финансовое право – творение природы или людей? А если того и другого вместе, то какова роль природы (под природой мы понимаем общество как наивысшую форму, согласно выводов философии, развития природы) и какова роль людей в творении финансового права?

Какими будут ответы постсоветской науки финансового права на эти вопросы, предугадать невозможно. Пока что по этому поводу начали высказывать свои суждения только отдельные ученые. Но уже очевидным является тот факт, что в современной финансово-правовой науке частью ученых осознана необходимостью выхода за пределы советской парадигмы финансово-правового мышления, в соответствии с которой финансовое право является правом только для государства, а для всех других субъектов финансовых правоотношений остается неправом. Это явление прежде всего и пока ярче всего получает свое воплощение в признании неполноценности и односторонности исключительно формально-рациональных методов исследования финансового права и переориентации финансово-правовой проблематики с изучения логико-методологических вопросов на исследование смысло-жизненных, онтологических, аксиологических, ментальных оснований финансово-правовой жизни постсоветского общества. В пределах этой новой парадигмы финансово-правовое мышление рассматривается не только и даже не столько как познавательная деятельность отдельного ученого или их коллективов, но и как выражение особого склада или характера ума, составной части мировоззренческих основ постсоветской эпохи, культуры и цивилизации, как своеобразный неолиберализм в финансово-правовой науке.

Новая системообразующая категория науки финансового права "начала финансового права". Одной из примечательных черт новой, постсоциалистической финансово-правовой действительности стало несравнимо большее разнообразие её качественных и формальных измерений, ускорение её движения, изменения финансово-правовой материи, переходов её от одних

¹⁶ Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2-х ч. Ч.1. – М., 1997. С.38.

¹⁷ См.: Кун Т. Структура научных революций. – М., 1977. С.228.

личественных и формальных выражений к другим. Последнее с неизбежностью влечет за собой изменение категорий и понятий, отражающих и выражающих эту действительность, создает своеобразную иллюзию неустоячивости, текучести соответственных категорий и понятий, что психологически нередко воспринимается болезненно, прежде всего "старожилами" науки, сощидает у определенной части научной общестственности ложное чувство несостоятельности финансово-правовой науки. В действительности же, как метко высказался А.Хочей, "плывут не понятия, а течет реальность, отражающаяся в них. Сами же понятия как инструмент мышления схватывают в неустанно меняющейся реальности только её устоявшиеся черты, только её определенность"¹⁸. Поэтому приведение научных абстракций в соответствие с меняющейся реальностью является постоянной методологической проблемой любой, в том числе и финансово-правовой науки. Если же учесть наряду с первым фактом и то, что имеющийся ныне на вооружении науки финансового права категориально-понятийный аппарат в основном был сформирован еще советской наукой финансового права по требованиям иной парадигмы финансового права и тотально господствовавшей тогда марксистско-ленинской партийности, то совершенно очевидной становится необходимость его не просто совершенствования, а глубокой качественной переработки.

Прежде всего, по нашему мнению, совершенно безосновательными в настоящее время являются попытки сохранить, удержать любой ценой в качестве исходной, системообразующей категории всего финансового права категорию "финансовая деятельность государства". На смену советской кратоцентристской, этатистской доктрине всего общественного, в том числе финансово-правового, развития в постсоветский период и в РФ, и в Украине конституционно признаны доктрины человекоцентристские. В финансово-правовой жизни постсоветского общества и государства объективно на ведущее место выдвинулся принцип адекватности их интересов. Уже коренным образом изменилось и продолжает совершенствоваться правовое положение всех субъектов финансово-правовых отношений, что не замедлило отметить часть ученых юристов-финансистов. На повестку дня встал вопрос о создании современного категориально-понятийного аппарата науки финансового права.

Исходной системообразующей категорией науки постсоветского финансового права, по нашему мнению, должна стать категория "начала финансового права". Наукой финансового права она никогда ранее не только не исследовалось, но и не применялась. Это обусловлено множеством причин, их которых мы в настоящей статье выделим лишь две – в господствовавших ранее теориях финансового права не было нужды, общественной потребности

¹⁸ Хочей А.С. К вопросу о диалектике // Есть ли Бог? – Владимир, 2000. С.234.

в выделении этой категории, во-первых, а также наука финансового права еще была не достигла ранее необходимого уровня развития для выделения этой категории, во-вторых. В настоящее время созрела объективная необходимость в обосновании данной категории, а достигнутый уровень развития науки финансового права позволяет это сделать. Такая смена исходных категорий науки финансового права является вполне естественной, ибо, как отмечают науковеды, понятия и категории науки не являются величинами неизменными, ибо "по мере развития наших знаний о предмете, их углублении и расширении должно неизбежно осуществляться изменение содержания и объема того понятия, в котором эти знания резюмируются или итожатся"¹⁹.

Философией категория "начала" рассматривалась ранее и в настоящее время рассматривается как логически исходное основание во всех значимых философских системах. Являясь теоретически первоначалом, категория "начала" не может быть выведена логически из других категорий и понятий. Последнее обстоятельство вынуждает исследователей выходить за пределы науки и выводить теоретические начала из социальных условий той эпохи, отражением которой они являются. В специальной литературе обоснованно вывод, что функциональное значение категории "начало" в философских системах состоит в обосновании общественных отношений, отраженных в субстанциональной теоретической определенности²⁰. Вся история правовой мысли подтверждает, что различия в методологических подходах к исследованию права неизбежно исходят с категории "начала права", потому что у каждого подхода свое понимание этих начал. Тем не менее субстанциональной чертой категории "начала права" является то, что она может быть адекватно "схвачена", основательно осмыслена не как сугубо абстрактное понятие, а только в связи с её конкретным содержательным наполнением. Такое осмысление осуществляется ученым целиком и полностью в зависимости от избранного им методологического подхода.

Одновременно необходимо подчеркнуть, что категория "начала права" как первооснова теории, всегда оставаясь исходной для соответственной правовой концепции, состоит в органической связи с другими базисными правовыми категориями, прежде всего с такими, как понятие права и сущность права. Причем во взаимодействии с другими категориями она сохраняет свое самостоятельное значение, особый статус, поскольку весь понятийно-категориальный ряд, обеспечивающий "развертывание" начал в концепции, их воплощение в менее общих и конкретных правовых понятиях, начинается с неё. Таким образом, методологическое значение категории "начала права" для правовой теории

¹⁹ Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М. Анализ развивающегося понятия. – М., 1967. С.322.

²⁰ См.: Корж В.В. Социогенез категории "начало" ("архэ") и её функция в становлении общественного сознания. Дисс. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 1988. С. 81-82.

состоит в исходном положении данных начал, в их базисности для всей дальнейшей конструкции соответственной теории. От начал права, признаваемых той или иной теорией, зависит и выбор исследовательского пути, и конечные выводы теории.

Глубинные начала финансового права обусловлены первичной потребностью индивида и государства – обеспечить свое существование, сохранить себя как явление, как феномен, то есть их появление и существование продуцируют первородные инстинкты самосохранения индивида и государства. Однако если индивид является производительной силой общества и в силу своей природы способный сам создавать условия своего самосохранения (в том числе и появление государства на определенном этапе своего развития), то государство такой способностью не обладает. То есть, имея естественную потребность в функционировании государства, индивид обречен содержать не только себя, но и государство, распределять в необходимых пропорциях созданные им блага между собой и государством. В современных условиях цивилизованной формой такого распределения выступает финансовое право. Именно этот феномен жизни современного цивилизованного общества и призвана адекватно раскрыть постсоветская наука финансового права и тем самым выработать теоретические предпосылки новой, по-настоящему эффективной финансовой политики государства как особого субъекта финансовых правоотношений.

Таким образом, финансовое право в своей субстанциональной сущности является юридической формой выше изложенной нами социальной данности. Оно в одинаковой мере подчинено историческим, нравственным и национальным, то есть, переменным во времени началам, и универсальным, независимым от времени его началам. Онтологическая, собственно субстанциональная сторона его начал выражает его универсальность, независимую ни от места, ни от времени – оно было, является ныне и останется в будущем правом распределительных, перераспределительных и контрольных отношений в обществе по поводу публичных финансов независимо от того, в какой исторической и иной форме эта субстанция предстанет перед нами. Длительный исторический период – фактически до рубежа XII-XIII веков, а в классической форме аж к середине XVII века (!) вместо финансового права существовало финансовое неправо. Только с победой буржуазных революций и утверждением вследствие этого идей юридического либерализма, что знаменовало собой завершение средневековья в правоведении и правоприменении, возникло **финансовое право как мера свободы всех субъектов финансовых правоотношений**. Применительно к нашим странам такое его измерение с 1917 г. до момента краха СССР было приостановлено, а в настоящее время оно вновь возвращается и набирает силу.

Действительным предназначением финансового права с позиций естественно-позитивной доктрины финансового права и принципа социального

натурализма, являющимися стержневыми в ныне действующих Конституции РФ и Конституции Украины, есть главным образом и прежде всего достижение общественно необходимого компромисса по поводу публичных финансов между институтами публичной власти и индивидами – производителями вновь созданной прибавочной стоимости, установление и поддержание, обеспечение баланса их естественных прав и законных интересов, выработка правовых механизмов, благодаря которым станут все полнее, в меру возможностей, удовлетворяться на основе принципа конкуренции заявленных общественных потребностей собственно эти потребности, с одной стороны, и не угнетаться и тем более не разоряться, что повсеместно процветает сегодня, а наоборот, наиболее быстро прирастать возможности частного сектора общественного производства, удовлетворять собственные потребности и производить вместе с этим все более весомый публичный финансовый продукт, который позволит гораздо полнее удовлетворять возвышающиеся общественные потребности завтрашнего дня в публичных финансах, с другой стороны.